

Филологический факультет
Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова

Кафедра
истории русской литературы XX века

КАФЕДРАЛЬНЫЕ ЗАПИСКИ

ВОПРОСЫ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2002

Полемика вокруг
книги Вяч. Иванова
и М. О. Гершензона
«Переписка из двух
углов»
в периодической
печати 1920-х годов

Этой небольшой книжке суждено было стать значительным явлением в культурной жизни не только нашей страны, но и остального мира. Слишком важные вопросы здесь оказались поставлены: что есть культура, как она взаимодействует с религией, какое место в ней занимает человек. Современники же отмечали в начале 1920-х чрезвычайную важность и остроту этой книги. «Переписка» вызвала напряженную полемику в эмигрантской печати, рецензии в советских журналах, а также живой интерес таких деятелей на Западе, как Габриэль Марсель, Ортега-и-Гассет, Шарль Дю Бос и некоторых других. Актуальность этой книги в переломные моменты истории различных стран можно объяснить, по-видимому, тем, что впервые после Ницше здесь было сформулировано чувственное переживание кризиса культуры.

Обмен письмами из двух углов одной комнаты инициировал Вяч. Иванов после устных бесед, выявивших его несогласие с М. О. Гершензоном. Первое письмо Иванова начинается словами: «Знаю, дорогой друг мой и сосед по углу нашей общей комнаты, что Вы усомнились в личном бессмертии и в личном Боге»¹. В этом письме личную веру, являющуюся залогом бессмертия, Иванов связывает с мотивом рождения через смерть.

Гершензон отвечает, что в личном бессмертии он не усомнился, но считает ненужным сам разговор и даже мысли о таких вещах. «Мы с Вами, дорогой друг, –

---

¹ Гершензон М.О., Иванов Вяч. Переписка из двух углов // Русские философы (конец XIX – середина XX века). М., 1993. С. 181. Далее ссылки на это издание даны с указанием страниц в тексте.

пишет он – диагональны не только по комнате, но и по духу. Я не люблю возноситься мыслью на высоты метафизики, хотя люблю Вашим плавным парением над ними» (182). Собственно уже здесь сформулировано кредо Гершензона. Его тяготят «все умственные достояния человечества», ему бы хотелось смыть с души все эти ценности и «выйти на берег нагим, как первый человек» у Руссо.

Далее начинаются попытки Иванова переубедить Гершензона. Последний отстаивает свою точку зрения. И в процессе письменного спора каждый проникает все глубже и глубже в сущность проблемы, развивая свои идеи.

В настоящем докладе мы рассмотрим четыре публикации, посвященные «Переписке». Первая из них – статья Г. Флоровского «Знаменательный спор» в 43-м номере «Русской мысли» за 1923 г.

Флоровский оценивает «Переписку» с религиозной точки зрения. Он отмечает, что идеал у Гершензона и Иванова один – «чтобы личное стало опять совершенно личным и, однако, переживалось бы как всеобщее»². По мнению Флоровского, Гершензон испытывает внутреннюю раздвоенность. С одной стороны, он «знает слишком много, и этот груз» тяготит его, так как получен по наследству «от пращуров и предков» (185). Истины отцов давно превратились в фетиш, это неизбежная закономерность развития всякой идеи. Но Гершензон верит, что возможна другая культура, где такой закономерности нет. Следовательно, замечает Флоровский, суть дела не в том, «что создавалась “вообще” культура, а в том, что создалась... *не та*, не подлинная культура...»³.

Позицию Иванова Флоровский оценивает положительно. Вера у Иванова преодолевает соблазн культуры. Своеобразие этого мировоззрения автор статьи видит в том, что оно «определяется не привычною противоположностью двух взаимоисключающих начал, а <...> тремя координатами: это – *Бог, мир и человек* (точнее – люди). И именно поэтому в нем преодолеваются роковые антиномии философической мысли»⁴.

Б. Шлецер в статье «Русский спор о культуре» в 11-м номере журнала «Современные записки» за 1922 г. расставил акценты

² Флоровский Г. В мире исканий и блужданий // Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 173.

³ Там же. С. 175.

⁴ Там же. С. 181.

иначе. Ему удалось уловить важнейшую характеристику эпохи – смену культурных парадигм, рождение новой культуры и новой личности. Точку зрения Шлецера можно назвать культурологической. По его мнению, и бунтарь Гершензон, и систематик Иванов, несмотря на все пережитое, считают события октября 1917 г. чем-то жизненно важным и нужным для себя. Причем это не означает принятия большевистской революции. Дело в том, что начавшийся распад сулит богатые возможности что-то изменить в процессе жизни. Однако, «жажда свободы и непосредственное чувство Гершензона оказались в конце концов прозорливее обширного и стройного мышления В. Иванова»⁵. «Переписка», считает Шлецер, потому есть именно русский спор о культуре, что для авторов важно ее оправдание, а не объяснение, как для западно-европейских мыслителей.

Принципиально иные и гораздо более спорные выводы делает Г. Ландау на страницах «Русской мысли» (1923 г., книга 1–2, статья «Византиец и иудей»). Он полемизирует со Шлецером, когда пишет о том образе семита, который встает за словами Иванова «И не отдадите Вы своей кочевой непоседливости...». В следующем письме Иванов уже характеризует Гершензона как типично русского интеллигента, привыкшего не решать проблемы, а бежать от них. Кое в чем, пишет Ландау, неприятие культуры у русского интеллигента-народника и сына кочевого народа может внешне совпадать, но русское и еврейское отрицания имеют существенные отличия. Если русское отрицание базируется на том, что государственно-культурные ценности были навязаны народу, то еврейский нигилизм, как он проявляется у Гершензона, не есть освобождение. Ценности культуры, по мнению Ландау, «не были принудительно навязаны» Гершензону, «он сам их себе навязал, он сам к ним стремился и ими преисполнился. И тягостны они ему не своей навязанностью, а своей никчемностью <...> они ему нудны, противны, – и вместе с тем он полон ими»⁶. Таким образом, Ландау замыкает Гершензона в рамках «еврейской» проблематики, что особенно заметно в его трактовке гершензоновских слов о других небесах и другой земле. Может быть, пишет Ландау, Гершензон

⁵ Шлецер Б. Русский спор о культуре // Современные записки. Кн. XI. Париж, 1922. С. 206.

⁶ Ландау Г. Византиец и иудей // Русская мысль. 1923. Кн. 1–2. Прага; Берлин. С. 204.

действительно мечтает о некой метафизической родине, но тогда почему он не говорит об этом в самом начале. Видимо, он мечтает о Палестине.

Для Ландау Иванов «содержательнее и поучительнее» Гершензона. Но весь мир для Иванова стал музеем. Признавая любую культуру, он делает ее музейной достопримечательностью, подрывая ее живые корни. «Если у Гершензона стремление к чистому разрушению, то у Иванова есть бережение, но нет созидания <...>. Если у Гершензона уже разложение, то, увы, не мумия ли у Иванова?»⁷ – такой вопрос ставит Ландау в заключение.

Еще одна примечательная точка зрения содержится в работе ведущего большевистского литературного критика А. Воронского «По поводу одного спора», помещенной в сборнике «На стыке» (Пг., 1923 г.). Воронский считает, что Гершензон выступает против механичности буржуазной культуры с ее несоответствием материальной и духовной сфер. С этой точки зрения, считает критик, настроения Гершензона можно расценить как положительные, как святую законную тревогу и жажду новой грядущей правды. Отмечая у Гершензона идеал, обращенный целиком к прошлому, Воронский пишет, что все это уже было прекрасно нарисовано Глебом Успенским – «галочья жизнь», «сплошной быт», «возведенная в перл сознания – жизнь без *своей* мысли, без *своей* воли, со своим стройным нравственным мировоззрением, но и с одним существенным недостатком: эту жизнь мог разрушить и разрушал пустой случай»⁸. Интересна возникающая здесь полемика с трактовкой Ландау. Воронский связывает взгляды еврея Гершензона и русского народника Успенского, что характерно для принципиального марксистского интернационализма. Воронский анализирует «Переписку» с идеологической точки зрения. Для творцов будущего, считает он, «чуждо благоговение и тем более мистический восторг Вяч. Иванова перед культурным наследием... но в равной мере неприемлемо причудливое сочетание анархизма со славянофильством и мистицизмом у М. О. Гершензона»⁹.

⁷ Ландау Г. Византиец и иудей // Русская мысль. 1923. Кн. 1–2. Прага; Берлин. С. 218.

⁸ Воронский А. По поводу одного спора // Воронский А. На стыке. Пг., 1923. С. 185.

⁹ Там же. С. 194.

Итак, четыре статьи – четыре совершенно разные точки зрения. Разумеется, трактовок было больше, но даже те, о которых здесь шла речь, дают возможность понять, насколько сложной и насыщенной оказалась эта небольшая книжка, смоделировавшая некоторые основные вопросы культурной проблематики XX в.